М.П.ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вступительная статья к книге М. П. Погодина «Повести. Драма».

- Мария Наумовна Виролайнен
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15

Мария Наумовна Виролайнен
МОЛОДОЙ ПОГОДИН

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) был человеком кипучей и разнообразной деятельности. За свою долгую жизнь он потрудился чуть ли не во всех областях, так или иначе связанных с литературой или историей: был журналистом и публицистом, переводчиком и издателем, беллетристом и драматургом; занимался археологией, всеобщей и русской историей; страстный коллекционер, он собрал уникальное в России древлехранилище.

В характере Погодина уживались качества самые разнообразные, подчас противоположные, и это создало ему весьма противоречивую репутацию. Люди, знавшие его, вспоминали о его придирчивом честолюбии, скупости и корыстолюбии, о грубости нрава, завистливости и искательстве у сильных мира сего. Но он же был человеком заботливым и радушным, порой очень щедрым, отличался великодушием, добротой и смелостью. У Погодина было много друзей и множество недоброжелателей. Он умел быть преданным своим друзьям и благодарным людям, которые сделали ему что-либо доброе. А по отношению к недругам или же в полемическом пылу мог забыть о всякой щепетильности. Одной из черт его характера была откровенность такого свойства, что недостатки, присущие многим людям, но скрытые глубоко в их душе, у него как-то всегда выходили наружу, проявлялись если не в действиях, то в словах.

Михаил Петрович был необыкновенно общителен. Он вступал в отношения с людьми самых разных взглядов и общественных положений, знаменитыми (как Пушкин, Гоголь, Островский) и никому не известными. Биограф Погодина, Н. П. Барсуков, повествуя историю его жизни, рассказывал также о людях и событиях, с нею связанных, — и биография Погодина превратилась в двадцатидвухтомный труд, рисующий картину культурного движения русского общества на протяжении полувека. Трудно вспомнить имя литератора, историка или культурного деятеля 20–70-х годов, с которым Погодин не состоял бы в личных отношениях, переписке или заочном контакте.

Погодин был типичным москвичом — человеком, пережившим в детстве пожар двенадцатого года, на протяжении десятилетий связанным с Московским университетом, воспитанным Москвой и ведущим по-московски широкий образ жизни.

Во всей своей деятельности, как и в своих контактах, Погодин был чрезвычайно энергичен и предприимчив. Однако практическая жилка сочеталась в нем с поразительной, почти

маниловской восторженной сентиментальностью и мечтательностью. Он составлял обширнейшие программы своих занятий и тут же мечтал о тех плодах, которые принесут его труды: его обласкает Карамзин, он представится Шеллингу, и тот «просветит и приготовит» его «для пользы целого Севера»[1]; он мечтал о графском титуле, о том, что его сделают российским историографом, воспитателем великого князя, министром просвещения, воображал, какую деятельность он развил бы на месте вице-губернатора, губернатора и даже государя императора. Мечтал о путешествиях, об уединении и вдохновенных трудах, с ним связанных. Робкий и застенчивый в отношениях с женщинами, в воображении он многократно проигрывал разрешение любовных коллизий; при жизни Карамзина представлял себе, как бы он оплакивал его кончину и какую речь произнес бы при погребении. И все же многие из его планов осуществлялись, какими бы несбыточными ни казались они вначале.

Теоретическая мысль никогда не была сильной стороной Погодина, хотя он и не чуждался философствования. Зато он прекрасно умел разыскивать материалы и собирать факты, что и обеспечивало ценность его исторических трудов. Его научные воззрения отличались постоянством. По мнению Ф. Буслаева, который был студентом Погодина в 1830-е годы, своеобразный погодинский консерватизм «был воспитан методом и материалом самой науки, которой он посвятил всю свою жизнь. Это был консерватизм беспристрастного историка и критика исторических материалов»[2]. Но, исследователь и ценитель русской старины, Погодин видел в ней живые начала и семена будущего развития своей страны.

* * *

Погодин родился в Москве 11 ноября 1800 года. Отец его был крепостным человеком графа И. П. Салтыкова, у которого он служил домоправителем. Когда мальчику было 6 лет, отца его с женою и детьми в благодарность за долгую и усердную службу отпустили на волю.

С 1814 года Погодин учился в гимназии, где особенного порядка не было, но зато ученики много читали, то и дело украдкой бегали в театр и знали наизусть Озерова. В 1818 году «с благоговением и горячею жаждою знания» (I, 32) он поступил на словесное отделение Московского университета и закончил его 5 июля 1821 года, удостоившись степени кандидата. Осенью

Погодин был определен преподавателем географии в Московский Благородный пансион. Дальнейшая его ученая карьера, хотя и доставила ему много волнений и переживаний, продвигалась вполне благополучно: в 1825 году он получает степень магистра русской истории, защитив диссертацию о происхождении Руси, и вскоре начинает преподавать всеобщую историю в университете. К 1832 году, когда «Повести» и «Марфа Посадница» уже вышли в свет, имя Погодина было знакомо каждому в тогдашнем культурном мире. С 1821 года труды Погодина начали появляться в печати. На страницах «Вестника Европы» он выступал с критическими статьями, посвященными то русской истории, то злободневным событиям московской жизни, то литературным новостям (в числе последних был и разбор «Кавказского пленника»). В 1825 году Погодин опубликовал свою работу «О происхождении Руси», в его переводе в 1823 году вышел труд Нича «Начертание древней географии», в 1825-м — «Кирилл и Мефодий» Добровского, в 1826-м — исторические исследования Эверса и Неймана, в 1828-м — трагедия Гете «Гец фон Берлихиген». Заметим, что далеко не все плоды его обширной деятельности попадали в печать.

В 1825 году Погодин впервые испробовал себя на поприще журналистики: вдохновленный примером «Полярной звезды» — альманаха Рылеева и А. Бестужева, он задумал издать и свой альманах — «Уранию». К участию в альманахе ему удалось привлечь Баратынского, Мерзлякова, Вяземского, а через него — и Пушкина. Сам Погодин поместил в «Урании» своего «Нищего» и «Как аукнется, так и откликнется».

Но альманахи в ту пору уже отживали свое, и призвание Погодина к журналистике реализовалось в издании «Московского вестника» — журнала, хотя и имевшего трудную и не слишком удачливую судьбу, но зато оставшегося интереснейшим явлением в истории русской культуры. С «Московским вестником», выходившим с 1827 по 1830 год, так или иначе связаны все литературные и культурные связи Погодина в непосредственно интересующий нас период его жизни, и на этом нужно остановиться подробнее.

С 1822 года Погодин начал давать уроки дочери А. Ф. Малиновского, начальника Московского архива коллегии иностранных дел. В доме Малиновского, около 1825 года, он сблизился с «архивными юношами» — блестяще образованной московской молодежью, совмещавшей службу в Архиве с разнообразными литературными занятиями. Имена этих молодых людей остались в истории русской культуры: то были братья Веневитиновы, братья Киреевские, А. И. Кошелев,

Н. А. Мельгунов, С. А. Соболевский, В. П. Титов, С. П. Шевырев и другие. Они были большими поклонниками и знатоками немецкой классической философии, изучению которой было посвящено тайное Общество любомудрия, распущенное после событий 14 декабря. Погодин сошелся с ними очень близко, с некоторыми просто сдружился. Наступил 1826 год. Молодые люди много общались, делились замыслами совместного литературного и переводческого труда, строили планы альманашной и журнальной деятельности. В это время, вызванный Николаем I из Михайловской ссылки, в Москву приехал Пушкин. 11 сентября Дм. Веневитинов представил Погодина Александру Сергеевичу. 16 сентября Погодин обедал вместе с Пушкиным у Трубецких, а 12 октября в доме Веневитиновых состоялось чтение «Бориса Годунова», воспоминание о котором не переставало волновать Погодина и 40 лет спустя. Это чтение и единодушный бурный восторг, вызванный им у слушателей, послужили началом сближения Пушкина с «архивными юношами». Результатом их сближения было появление «Московского вестника». Погодин, который ходил к Пушкину обсуждать журнальные замыслы, еще 30 сентября записал в дневнике: «Журнал благословляет»[3]. Редактором был назначен Погодин. Пушкин, по крайней мере поначалу, считал этот журнал «своим». Он поместил в нем отрывки из «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и множество стихотворений. Склонность молодых людей, организовавших «Московский вестник», к философствованию вообще и к немецкой философии в частности определила основной характер и направление журнала (к которому Пушкин довольно быстро охладел). Кроме произведений лучших тогдашних поэтов, в «Московском вестнике» печатались исторические и фольклорные материалы, оригинальные и переводные ученые статьи, критические обзоры и программные статьи по эстетике. Для русской публики журнал оказался слишком серьезен: в нем не хватало легкого чтения, занимательных материалов, модных картинок — «Московский вестник» не смог собрать большого числа подписчиков.

В марте 1827 года друзья понесли невосполнимую утрату: неполных 22 лет от роду скончался Дмитрий Веневитинов. Смерть его не замедлила сказаться и на судьбе «Московского вестника»: он был одной из ведущих сил этого предприятия. Погодину как редактору приходилось нелегко. Сотрудники то и дело по разным поводам высказывали ему свое неудовольствие и несогласие. Кроме того, главные застрельщики журнала вскоре разъехались из Москвы. Они не переставали деятельно

переписываться с Погодиным и присылать в журнал свои литературные вклады. Сам Михаил Петрович много трудился для «Московского вестника». На его страницах он помещал свои статьи по русской истории, «Исторические афоризмы», всевозможные переводы (в том числе «Рене» Шатобриана), рецензии, а также и повести: «Сокольницкий сад», «Преступницу», «Черную немочь», «Адель» и др. Пушкин неизменно поддерживал Погодина ободряющими письмами и советами. И все же продлить существование журнала удалось лишь до 1830 года. Выходивший всего около четырех лет, вызвавший множество нареканий как со стороны самих сотрудников, так и со стороны литературных недругов, «Московский вестник» тем не менее остался одной из важнейших страниц в истории русской журналистики, литературы, философии и эстетики. По прекращении «Московского вестника» Погодин стал весьма активно участвовать в «Телескопе» и «Молве» Надеждина.

* * *

В повестях Погодина есть много автобиографических моментов, и мы должны остановиться на тех подробностях его частной жизни, которые отразились в сюжетной канве его произведений.

Летом 1819 года Погодина пригласили домашним учителем в семейство И. Д. Трубецкого. Знакомство и тесная связь с Трубецкими, продолжавшаяся более 10 лет, доставили Погодину и самые светлые переживания, и самые горькие минуты. В их доме, где социальное происхождение Михаила Петровича никогда не подчеркивалось, он скоро стал своим человеком. Лето Трубецкие обычно проводили под Москвой, в селе Знаменском, где всегда собиралось много молодежи, царил дух влюбленности и дружеских бесед. Атмосфера Знаменского располагала к занятиям и литературным трудам. Именно там Погодин читал Руссо, Шатобриана, г-жу де Сталь, Паскаля, Сервантеса, делал переводы из Гете, Овидия, начал вести свой дневник (эту привычку он не оставлял в течение всей жизни), там издавал рукописный «Знаменский журнал», посвященный камерным событиям знаменской жизни. Там написаны «Нищий», «Как аукнется, так и откликнется», «Русая коса». В основе сюжета последней повести лежит реальный эпизод. В 1825 году у кн. Голицыной (частой гостьи в Знаменском) жила Е. Ф. Вагнер со своей дочерью Елизаветой Васильевной, одно время сильно занимавшей воображение Погодина. 19 июня этого года он

оставил в своем дневнике такую запись: «Давал урок княжне (Александре Трубецкой. — *М. В.*), которая была после ванны с распущенною косою, и у меня затеплилось сердце, загорелось, особенно при некоторых движениях. У Елизы (Е. В. Вагнер. — *М. В.*) такая же русая коса» (I, 306). Автобиографичность «Русой косы» очевидна, прототипы угадываются легко; главный герой — сам Погодин (занятия Минского совпадают с занятиями Михаила Петровича, книги, которыми завален его стол, — настольные книги автора); графиня О. — А. И. Трубецкая, Мария — Е. В. Вагнер, г-жа С. — А. Н. Голицына. В одном только фабула разошлась с жизнью: повествование стремительно движется к счастливой развязке, Минский женится на Марии. Елизавета Васильевна в действительности стала женою Погодина, но брак этот состоялся лишь восемь лет спустя, ибо в ту пору главным предметом сердечных переживаний Погодина суждено было стать его ученице Александре Трубецкой. «„Моя весна, моя поэзия, героиня моих повестей“ — так вспоминал он о ней уже в глубокой старости» (I, 236).

Привязанность к ней терзала душу Погодина сомнениями и надеждами. Он мечтал о правительственных наградах, которые сократили бы расстояние между ним и княжной. Он приглядывался к проявлениям ее чувств, пытался определить наверное ее к нему отношение. Он ревновал ее к большому свету, который отрывал ее от него, и этой ревностью в немалой степени обусловлены его филиппики против светской жизни. Впрочем, среди воображаемых и действительных поклонников княжны был один, к которому Погодин благоволил (и даже мечтал устроить их брак), — Дмитрий Веневитинов. Конфиденткой Погодина в его переживаниях стала жена С. Т. Аксакова Ольга Семеновна.

Вся эта мучительная сердечная история послужила материалом еще одной повести — «Адель». Как-то летом 1826 года Погодин прочел княжне Аграфене Ивановне Трубецкой стихотворение Пушкина «Адели» («Играй, Адель…»). И та воскликнула: «Это наша Сашенька!» (II, 23). Так возникло имя для героини повести, которую он принялся сочинять в тот же день, а закончил лишь в 1830 году, посвятив ее О. С. Аксаковой.

Три тома своих повестей Погодин посвятил «старому другу в воспоминание о 1825, 26, 27, и 28 годах». Увидев это посвящение, Николай Иванович Трубецкой (брат Александры Ивановны) воскликнул: «Ах, да это вы мне посвятили!» — «И мне», — подхватила Александра Ивановна. «Обоим», — ответил Погодин (III, 373). 1825–1828 — это годы, когда он еще мог надеяться на счастливую развязку отношений с княжной Трубецкой.

Таковы основные события жизни Погодина до 1832 года.

* * *

В 1832 году в продажу поступили «Повести Михаила Погодина» в трех частях. «Повести» были встречены недоброжелательным отзывом «Московского телеграфа» (1832, № 9, с. 97–99) — его редактор, Н. Полевой, постоянно выступал в роли противника и оппонента Погодина — и положительной рецензией в «Телескопе», где отмечалось, что у автора «нет недостатка в средствах быть верным живописцем русского народного быта»[4].

Именно это качество оценил в Погодине Белинский, когда в 1835 году включил его имя в число шести писателей, составляющих «полный круг истории русской повести»[5]. «Мир его поэзии, — писал Белинский о Погодине, — есть мир простонародный, мир купцов, мещан, мелкопоместного дворянства и мужиков, которых он, надо сказать правду, изображает очень удачно, очень верно. Ему так хорошо известны их образ мыслей и чувств, их домашняя и общественная жизнь, их обычаи, нравы и отношения, и он изображает их с особенною любовию и с особенным успехом»[6].

Однако живописанием простонародного быта проза Погодина не исчерпывается. В его трехтомник включена и светская повесть с элементами сатиры («Как аукнется, так и откликнется»), и авантюрная «страшная повесть» «Васильев вечер», и повести из жизни культурной элиты, в которых царит атмосфера филологических, философских и исторических штудий (это «Русая коса», «Сокольницкий сад» и «Адель», генетически родственные типу романтической повести о художнике).

И все же, при всем разнообразии сюжетных ситуаций, общей основой повестей Погодина действительно является бытописание. Погодин был человеком традиции, любителем надежных оснований. Даже его мечтательство, его воздушные замки всегда так или иначе были связаны с желанием укорениться в надежной бытовой и практической сфере. Купить собственный дом, завести семью, работать и иметь социальное признание — этим кругом очерчиваются его идеалы.

Быт описан Погодиным подробно и бережно: он внимателен к мелким штрихам, не пропускает деталей. С интересом этнографа он описывает ритуалы гадания, сватовства, рассказывает, чем торгуют на ярмарках, что народ смотрит в театрах, какие политические новости занимают сидельцев в рядах. Среди персонажей Погодина — представители едва ли не всех социальных слоев: он описывает высший свет, культурное общество, помещиков, военных, духовенство, купцов, мещан,

крестьян, разбойников и воров. Рисуя каждого своего героя, его привычки, поступки, передавая его манеру говорить, Погодин всегда воплощает и ту бытовую сферу, к которой герой принадлежит.

По Погодину, житейская область содержит в себе и комические, и трагические коллизии, причем комедия быта подчас переходит в трагедию быта («Черная немочь», «Невеста на ярмарке»). Но при любом — даже трагическом, даже сатирическом — повороте сюжета в бытописании Погодина всегда ощутим элемент идилличности. Описывает ли Погодин купеческий выезд на дрожках, или провинциальное чаепитие, или занятия девушки, недавно выпущенной из Смольного института, — в этом всегда ощутимо любовное отношение ко всему надежному и устойчивому, что есть в бытовой сфере. С почти хозяйственным педантизмом Погодин рассказывает, как устроен сад, как обставлены комнаты, какие книги лежат на столе — ибо все это ему очень важно и очень дорого. (Здесь несомненно сказалось влияние Руссо, имя которого то и дело появляется на страницах погодинских повестей.)

Особый интерес в творчестве Погодина представляет взаимодействие бытовой сферы и культурной. Проблема их взаимодействия в романтическом сознании начала XIX века была одной из самых насущных. Сферы эти оказывались разделенными, противопоставленными, даже враждебными одна другой. Культура отмежевывалась от быта, порождая антитезу идеального и реального. Когда романтики пытались их вновь воссоединить, средство для этого находилось одно: вовлечь бытовую сферу в область духовную, подчинить ее законам философии и эстетики. У Погодина дело обстоит совершенно иначе: не быт включен в культурную сферу, но культура рассматривается как одно из слагаемых быта. Хотя подобное решение вопроса схоже с историзмом поздних романтиков и даже с реалистической манерой, Погодин обязан этим решением обращению к старой традиции романа воспитания (не случайно в «Московском вестнике» печатались отрывки из «Вильгельма Мейстера» Гете).

Для Погодина, который был сыном крепостного, а стал университетским профессором, водящим дружбу с самыми умными и образованными людьми своей эпохи, культурный быт имеет свое особое место в иерархии ценностей, — и все же он остается именно бытом. Те из его повестей, где героями являются представители духовной элиты, выстраиваются в один ряд с повестями, где герои — купцы, крестьяне и т. д. В каждом социальном кругу — свои обычаи, свои повседневные занятия и

события, на фоне этой повседневности возникающие. Культурная сфера, как и всякая другая, тоже слагается из житейских и будничных оснований, только купец занят своими товарами, а молодой историк — Шлёцером и Карамзиным.

Внимание к быту делает для Погодина чрезвычайно важной проблему среды и воспитания. Показательна в этом отношении «Невеста на ярмарке», где подробно выясняется, какие обстоятельства сформировали характер легкомысленного офицера, равнодушного ко всему на свете слуги, приживалки, умеющей всем угодить. В повести три сестры: в соответствии с традиционной схемой старшие — глупые и эгоистичные, младшая — добрая и умная. Разницу в их характерах Погодин объясняет воспитанием: младшая получила образование, старшие воспитывались в родительском доме, где не было и понятия ни о каких духовных ценностях.

Характеры, которые рисует Погодин, тяготеют к типичности и зачастую предвосхищают характеры классических героев русской литературы. Приведем примеры из той же «Невесты на ярмарке». Дядька Бубнового Дементий, преданный, заботливый и утомляющий барина нравоучениями, как будто пробный вариант Савельича из «Капитанской дочки» Пушкина. Некоторые черты Анны Михайловны отчасти родственны бесстыдному словоблудию Иудушки Головлева. Характер Прасковьи Филатьевны повторится в характере Анны Михайловны Друбецкой из «Войны и мира» (только последняя занимает более высокое социальное положение). Сюжет, построенный на обмане, ситуация сватовства Бубнового, который «пылая страстью», не может сообразить, которой из двух девиц он делает предложение, сцена разоблачения предвосхищают фантасмагорию «Ревизора», а рассказ Дементия о том, как живут несуществующие мужики Бубнового, наводит на мысль о «Мертвых душах».

Чрезвычайно важна для Погодина установка на подлинность тех событий, о которых он рассказывает. Почти в каждой повести так или иначе подчеркнуто, что сюжет не выдуман, что он основан на настоящих письмах или дневниках, или что автор сам был его очевидцем, или что он услышан от кого-либо из знакомых. Эти уверения далеко не всегда оказываются фикцией. Погодин то берет готовую сюжетную схему («Преступница», «Петрусь»), то использует автобиографические моменты («Русая коса», «Сокольницкий сад», «Адель»), то пересказывает слышанные им анекдоты («Возмездие», эпизод с гаданием в «Черной немочи»). Жанр анекдота, «истории из жизни», имеет особое значение для него. Некоторые из его повестей в журнальной публикации имели подзаголовок «анекдот», т. е.

стояли на грани художественной и документальной прозы. Эта установка на подлинность, с одной стороны, продолжает традицию «справедливой» и «полусправедливой» повести XVIII — начала XIX в.[7], с другой стороны, готовит совершенно новый способ взаимодействия эстетической формы и действительности — способ, который некоторое время спустя будет свойствен русскому реализму. Журнальной публикации «Возмездия» Погодин предпосылает предисловие, в котором приносит благодарность за сообщение ему данного происшествия и как редактор «Московского вестника» предлагает своим читателям доставлять ему известия о достопримечательных событиях, происходящих в России, обещая помещать их рассказы в своем журнале. Это намерение Погодина перекликается с позднейшим призывом Гоголя к своим соотечественникам писать с ним совместно новую книгу о России, книгу, которая осуществит ту задачу, которую он поставил перед собой, принимаясь за «Мертвые души».

С жанром анекдота теснее всего связан цикл коротких рассказов, озаглавленный Погодиным «Психологические явления». Название цикла очень точное. Погодин рассказывает именно о явлениях, проявлениях человеческой психологии, не углубляясь в ее внутреннюю природу. Цель рассказов — озадачить читателя, продемонстрировать ему странность, необъяснимость иных движений человеческой души. Объяснения Погодин, по существу, нигде не дает. В лучшем случае он может выдвинуть расхожую мораль или рассудочное истолкование, но может обойтись и без этого. Отсутствие объяснения его не смущает, — достаточно преподнесения самого факта. Факт же, как правило, парадоксален: на лице преступника не видно следов порока; получивший неожиданную награду не обрадовался, а — удавился; честнейший человек — убил из-за денег.

К «Психологическим явлениям» тяготеют некоторые мотивы других повестей, где также обнаружена парадоксальность души человеческой. В «Преступнице» Погодин настаивает на набожности и благочестии своей героини, но в ней есть способность и к преступлению, и к угарной пляске и ласкам в кабаке, ко лжи, клевете, душевному отупению. В «Невесте на ярмарке» изначально подчеркнута психологическая несообразность: героиня, наделенная тонкой душевной организацией, влюбилась в пустейшего и скверного человека.

Там, где Погодин претендует на то, чтобы быть психологом (это происходит, например, в «Как аукнется, так и откликнется» и «Сокольницком саде»), в одеждах психологии выступает сугубый рационализм. Он не дает нового объема, создает лишь видимость

углубления. Все рассчитано, как наперед известная шахматная комбинация, включая даже якобы неожиданные сюжетные ходы. Подлинной стихией Погодина оказывается не психологический анализ, а констатация психологического факта. Выведение морали вполне органично этому, хотя по поводу морали Погодин и иронизирует.

Любопытно, что проявление необычайных страстей Погодин, как правило, обнаруживает в простом народе или в среднем сословии — в той сфере, которая целиком укладывается в быт, не осложненный ни культурой, ни философией. Именно в незыблемом бытовом укладе обнаруживаются необъяснимые психологические явления. Казалось бы, они должны подрывать бытовые основы, нарушать устойчивый порядок жизни. Но для Погодина эти явления оказываются как бы в порядке вещей, ибо необъяснимое для него — не тайна, в которой скрываются силы, способные потрясти миропорядок, но загадка, задачка. Ее можно разрешить, можно и не разрешить. Неразрешенная, она не будет смущать и тревожить, а лишь даст пищу для размышлений. Непостижимое тоже воспринимается им как бытовая данность.

В тех же случаях, когда Погодин дает разъяснения, он прибегает к народной морали, демонстрирующей, как один дурной поступок влечет за собой другие, как преступление ведет к наказанию. В его повестях масса пословиц. Пословица — обиходная мудрость — очень емкая форма для Погодина и очень органичная для него.

Погодин любил выражать свою мысль в афоризмах. Будучи по призванию историком-эмпириком, он большое значение придавал своим «Историческим афоризмам» (он публиковал их в «Московском вестнике» и позже издал отдельной книгой), которые претендовали на афористическое изложение взглядов на философию истории. В повестях Погодина тоже рассыпано множество афоризмов, и тут они обнаруживают свое истинное родство с русской пословицей (а вовсе не с одной из эстетических форм немецкого романтизма, как это мыслилось Погодиным).

До сих пор мы говорили о Погодине как о писателе, стоящем на прочных основаниях и находящем такие основания во всех явлениях, которых он касается, как о человеке трезвого и рационального склада. Подтверждение тому можно найти во всех повестях, собранных в этой книге, — во всех, кроме одной. И эта единственная повесть, не укладывающаяся в предложенную здесь схему, заставляет включить то, о чем только что говорилось, в совершенно новый контекст. Речь идет об «Адели».

«Адель», тематически связанная с «Русой косой» и «Сокольницким садом», резко отличается от них. Эта повесть

лишена бытовых оснований, по своей форме она романтична: в ней есть противостояние одаренной личности и толпы, есть две родные души, которые не могут соединиться, духовный мир в ней резко противопоставлен обыденному. Останься от Погодина одна эта повесть, мы бы сочли его романтиком; не будь ее, по остальным повестям, собранным в трехтомнике 1832 года, мы бы решили, что Погодин — наивный реалист. Истина же заключена, по-видимому, в скрытом, на поверхности не явленном соотношении сюжета «Адели» с сюжетами остальных повестей.

Мы говорили уже, что «Адель» — повесть автобиографическая. Но секрет ее заключается в том, что за двумя фигурами главных героев — Адели и Дмитрия — стоят не две, а три реальные фигуры: Александры Трубецкой, самого Погодина и Дмитрия Веневитинова[8].

Для Погодина, как и для остальных своих друзей, Веневитинов был (и при жизни, и особенно после смерти) идеальным юношей, сочетавшим в себе мыслителя и поэта, обещавшим стать одним из первых русских дарований. Его ум, талант, образованность, характер — все делало его человеком необычайно привлекательным. Для Погодина же он был кумиром и соперником — одновременно. Восхищаясь Веневитиновым, Погодин все время сравнивает себя с ним, взвешивает свои и его достоинства и то и дело с сокрушением отмечает, что преимущество остается за Веневитиновым. Сойдясь с любомудрами, Погодин очень хочет ни в чем не отстать от них, оказаться на высоте. В каком-то смысле он хочет занять такое же, даже то самое место, что и Веневитинов. Самолюбие заставляет Погодина и гордиться своей дружбой с родовитыми, образованными, блестящими юношами и в то же время чувствовать себя в их кругу не совсем уютно, не на той высоте, как ему хотелось бы.

И вот Погодин пишет повесть, в которой в одном герое соединяет, отождествляет себя и Веневитинова. Как и Веневитинова, героя зовут Дмитрий, как Веневитинов, он скончался во цвете лет, тематика сочинения, которое пишет герой Погодина, совпадает с тематикой статьи Веневитинова. Дмитрий в «Адели» — жизненный идеал любомудров. Философия, поэзия, история человеческой культуры — вот та жизненная сфера, в которую он целиком погружен. Низкой обыденности нет места в его душе. В характере Дмитрия, как его задумал Погодин, воплощена та посмертная репутация Веневитинова, которую создали ему друзья. И в то же время герой — alter ego автора, основу сюжета составляет жизненная ситуация Погодина, история его отношений к любимой женщине.

Итак, образ героя «Адели» сложился из отождествления Погодина с Веневитиновым (вспомним, что это отождествление не было чисто литературным ходом: Погодин одно время мечтал о браке Веневитинова с княжной Трубецкой, в мыслях своих ставил его на желанное для себя место). Погодин со всеми основами, заложенными в его личности: с его происхождением, врожденным эмпиризмом, любовью ко всему положительному, отождествляет себя с тем, чем являются его друзья-любомудры: аристократы духа и аристократы по рождению. Но между его и их жизненными сферами лежало исконное расхождение, тождество прототипов было воображаемым, желаемым, но не действительным. Герой, имеющий такое происхождение, оказывается в сюжетной ситуации, для которой нет никакой возможности опуститься в быт, разрешиться в бытовой сфере, ибо вся она построена на мечте. К мечтательству же Погодин относится с подозрением. Герой «Черной немочи», сын богатого купца, мучается вопросами, на которые отвечать он себе не в силах: «…отчего солнце восходит и закатывается (…), отчего облака носятся, гром гремит, молния сверкает (…), что такое человек, что он на земле делает, откуда он пришел, куда он идет (…), как мысль в голове зачинается и плодится, как выговаривается она словом, отчего во всяком царстве есть крестьянин, мастеровой, купец и дворянин (…), что такое счастие, несчастие, судьба, случай, что такое добро, зло, воля, разум, вера…» Когда впервые в жизни он открывает свои мысли перед другим человеком, более всего он боится: «не мечтательные» ли они? И в то же время он рассказывает, что ученые книги, на которые он с жадностью набросился, не разрешили его вопросов, удовлетворили же его — стихи «господина Жуковского». В «Черной немочи» две большие стихотворные цитаты из Жуковского, Погодин часто цитирует его и в других повестях. Жуковский, апологет мечты, оказывается до сладости знакомым купеческому сыну, для которого в слове «мечтательность» заключен худший упрек, какой он сам себе может сделать.

Погодин доверяет только существенности, и все же главную жизненную ставку делает на мечту. Этот конфликт мечты и существенности в судьбе и творчестве Погодина является глубоко скрытым психологическим фактом, который, по всем законам поэтики Погодина, никак не мог непосредственно воплотиться в сюжете.

Любопытно, что Белинский отметил в «Черной немочи» некоторую невыговоренность главной идеи: «Заметно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вместе с тем, что у него недостало силы

таланта воспроизвести ее; с этой стороны, читатель остается неудовлетворенным»[9]. В самом деле, у Погодина психологическая, «подпольная» проблематика, «задушевная мысль», волнующее его чувство остаются за рамками художественного текста, в действительности. (Так происходит в «Черной немочи», а в еще большей степени — в «Адели», которая, будучи прочитана вне контекста биографии Погодина, выглядит как самая традиционная романтическая повесть.) Фактом литературного осмысления эта проблематика станет лишь позже — сначала в «Невском проспекте» Гоголя, а потом у Достоевского, для которого она будет не только предметом, но и способом организации повествования («Белые ночи» имеют подзаголовок: «Сентиментальный роман. Из воспоминаний мечтателя»).

«Адель» — единственная в трехтомнике повесть, где культурная сфера становится поприщем страсти. Отчасти вторит ей лишь «Черная немочь», повесть из купеческого быта, в которой культура оказалась предметом страсти, снедающей героя. В «Русой косе» и особенно в «Сокольницком саде» культурный быт и включенный в него любовный сюжет вполне идилличны. В сюжете «Адели», самом личном, автобиографическом у Погодина, проблематика повестей из культурного быта сомкнулась с проблематикой «Психологических явлений». Трезвость, невозмутимость, идиллическая сентиментальность и рационализм Погодина оказываются вовлеченными в конфликт мечты и существенности. В этом конфликте существенность является и исходным основанием, и единственно приемлемым конечным результатом, но в той же существенности возникает шкала ценностей, в которой превыше всего ценится мечта, хотя никакой мечтой эта существенность не удовлетворится.

* * *

Погодин-историк не раз мечтал создать художественное произведение на историческую тему. Планы его осуществились в создании своеобразной драматической трилогии, предметом которой стали три ключевых момента русской истории: покорение Новгорода и утверждение единовластия («Марфа, Посадница Новгородская»), Смутное время («История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове», «История в лицах о Димитрии Самозванце») и время петровских реформ («Петр I»). Решающим стимулом для написания «Марфы Посадницы» послужило для Погодина чтение Пушкиным «Бориса Годунова».

В русской литературе начала XIX века тема новгородского

вечевого самоуправления и его отношения к единой власти великого князя Московского неоднократно переосмыслялась. Декабристы поэтизировали Новгород: для них он был синонимом героического вольнолюбия. В конце 20-х годов на смену романтической идеализации приходит установка на выяснение исторической истины. В среде любомудров велись дискуссии о характере новгородской вольности и причинах ее падения[10].

Трагедия Погодина свидетельствует о том, насколько серьезным было его расхождение с важнейшими установками любомудров в области исторической. В ближайшем окружении Погодина «Марфу Посадницу» оценили по-разному. Ее очень одобрили С. Т. Аксаков и А. С. Хомяков, а С. П. Шевырев счел произведение незрелым и сожалел о его выходе в свет.

Любомудры культивировали философию истории, придерживаясь классической немецкой ориентации, развивая идеи Гердера, Шеллинга. В истории для них более всего был интересен ее философский смысл, ее идея. В своих «Исторических афоризмах» Погодин стремится к осмыслению истории именно с этой стороны.

Пушкин философских умонастроений любомудров не разделял, и с Погодиным, считавшим себя приверженцем их идей, у него бывали споры по этому поводу. 4 марта 1827 года Погодин записал в дневнике: «К Пушкину — декламировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного»[11]. Однако «Марфу Посадницу» Пушкин оценил необычайно высоко. Он заплакал, когда Погодин читал ему сцены из своей трагедии, а по прочтении всего текста нашел в нем достоинства «шекспировские». Это идейное расхождение, с одной стороны, и восторг Пушкина по поводу «Марфы», с другой, многое объясняют в том получившем историческое значение взаимодействии, которое произошло между любомудрами, Пушкиным и Погодиным. Пушкин писал о трагедии Погодина: «Автор „Марфы Посадницы“ имел целью развитие важного исторического происшедствия: падения Новгорода — решившего вопрос о единодержавии в России. — Два великих лица представлены ему были историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать. Драматический поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить (…) отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою (…). Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело

воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор „Марфы Посадницы“? Отвечаем: исполнил»[12].

На появление «Марфы Посадницы» рецензией за подписью «Н. Ю.» откликнулся «Сын отечества» Греча и Булгарина. «Н. Ю.» возмущался тем, что «Марфа Посадница» — трагедия «площадная»: «Действие происходит на *площадях*; она составлена из *площадных* выражений и наполнена *площадными* лицами!»[13]

Однако именно это качество трагедии Погодина привлекло к ней Пушкина, который начал свои заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» словами: «Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения»[14]. Считая, что европейская драматургия всегда оставалась верной этому «первоначальному своему назначению», Пушкин с сожалением отмечает, что русская драма не была по своему происхождению связана с народными основаниями. И вот, в качестве едва ли не первого опыта народной трагедии он выдвигает «Марфу Посадницу» Погодина.

Чем же было обусловлено это особое качество трагедии Погодина? В 1820-е годы много спорили о движущих силах истории. Выдвигались концепции провиденциализма и фатализма в истории, им в противовес выдвигалась идея случайности, с одной стороны, и решающей роли человеческих воли и разума, с другой. В зависимости от этих исходных посылок судьбам стран и народов придавался тот или иной смысл. Оценивая конфликт между Иоанном и новгородцами, Погодин твердо стоял на точке зрения, утверждающей необходимость единовластия и национального единства. Но — и это главное — такая позиция не являлась для Погодина выводом из каких бы то ни было умозрительных предпосылок.

Изображая историческое событие, Погодин придерживался лишь одного постулата, одного принципа, который не был для него обусловлен никаким философским построением, а проистекал из психологического и социального склада его характера, его личности. Принцип этот заключался в идее порядка, в том, что порядок есть главное и необходимое условие исторической и социальной жизни.

Хотя Погодин и утверждал, что в его трагедии нет трех единств, единство действия у него соблюдено вполне. Нарушая историческую достоверность, Погодин соединяет в сюжете драмы события, связанные с первым конфликтом Иоанна с новгородцами, и события окончательного падения Новгорода, к ним же он подключает конфликт удельных князей с великим князем. Ему важно стянуть в один сюжетный узел конфликт

единовластия со всеми силами, ему противостоящими, ибо проблематика его драмы шире новгородского эпизода, она касается судьбы всей России.

Пушкин признал за автором «Марфы Посадницы» главнейшее, по его мнению, достоинство драматического поэта — беспристрастие, отсутствие явно выраженных политических или идеологических симпатий. В этом отношении Погодин сумел оторваться от Карамзина, который был его главным источником. Карамзин описал падение Новгорода дважды: в повести «Марфа Посадница» и в «Истории государства Российского». Повесть он писал от имени новгородца и с точки зрения новгородского идеала — героиней, на чьей стороне читательское сочувствие, оказалась Марфа. «История…» писалась с точки зрения государственной необходимости единовластия — в ней Иоанн вызывает сочувствие, а Марфа изображена женщиной хитрой и честолюбивой.

В драме Погодина нет идеальных героев. В каждом (и в Марфе, и в Иоанне, и в Борецком) высокие бескорыстные мотивы поведения сочетаются с некоторой долей личной, частной, даже корыстной заинтересованности, которая примешивается к поступкам, имеющим политическое значение. То, что Погодин не нуждался в идеализации кого бы то ни было из своих героев и тем удовлетворил пушкинскому требованию беспристрастия, было связано, по всей видимости, именно с идеей порядка.

Погодин рисует новгородцев не единой массой, одержимой одним порывом, но социально дифференцированным обществом, в котором интересы различных групп приходят во взаимные противоречия, приводящие к социальному неустройству. Действия Марфы, при всей их гражданской оправданности, тоже влекут за собой несчастья. Погодин не случайно выводит на сцену новгородских женщин, которые проклинают посадницу за то, что она увлекла их мужей на гибельную битву и разрушила их семейные очаги. Новгородцы не в силах больше поддерживать внутренний социальный порядок. Это видит Борецкий, и в этом главная причина его измены. Об удельных князьях с их усобицами в трагедии заявлено: «Без них России-то гораздо лучше, Особенно купцам, крестьянам, черни; Спокойнее и от чужих злодеев. Целее головы стоят на плечах…» За Иоанном — больший порядок (а это для Погодина несомненно), и этим решено распределение сил в драме.

Любопытна в этой связи фигура Борецкого и отношение к нему Пушкина. Сцену встречи Борецкого и Иоанна Пушкин считал слабой и неправдоподобной: по его мнению, Иоанн роняет свое достоинство, слишком снисходительно обращаясь с

предателем. Дело заключалось, видимо, не в различии взглядов Пушкина и Погодина на Иоанна, а в различии их оценок поступка Борецкого. Для Пушкина в характере Борецкого главным оказывается его способность к измене. Для Погодина же и это не самое главное. Измена Борецкого тоже оправдана его желанием утвердить прочный, надежный порядок в Новгороде. Драматизм его поступка переживает в трагедии только Марфа, этот конфликт разыгрывается только в ее душе, не становясь общим конфликтом драмы.

Однако было бы неверно понять сказанное здесь в том смысле, что для Погодина цель оправдывала средства, что он считал, будто порядок в стране может быть куплен любой ценой. «Марфа Посадница» действительно является трагедией: Москва и Новгород в ней подлинно противостоят друг другу, за каждой стороной есть своя правота, а в еще большей степени — своя неправда. Марфа по духу своему выше Иоанна, но ее волевые усилия объективно способствуют окончательному падению Новгорода. Московское же владычество при всех благах, которые оно сулит России (что подчеркнуто в финальном апофеозе), охарактеризовано Погодиным в таких выражениях, что С. Т. Аксакову, цензурировавшему «Марфу», приходилось последовательно снимать особенно резкие слова и обороты. По указанию Аксакова в печатном тексте были по возможности смягчены те места, где слишком прямо говорилось о коварстве, хитрости и жестокости великого князя[15].

Размышляя над судьбой Новгорода, Погодин пришел к пониманию трагически противоречивой природы исторического движения. Это понимание, положенное в основу концепции трагедии, определило место «Марфы Посадницы» в развитии русской исторической драматургии.

Гораздо труднее для Погодина оказалось исторически осмыслить то сложное положение, в котором он сам оказался к началу 1830-х годов. Столкнувшись с любомудрами, с их кругом идей, с культурой в ее философском осмыслении и признав за всем этим несомненную ценность, он оказался вовлеченным в противоречие с тем, что составляло исходные предпосылки его психологического, душевного и умственного склада.

Эта личная проблема Погодина, лишь косвенно выразившаяся в его художественном творчестве, некоторое время спустя станет проблемой русского общества и русской литературы. Она зазвучит как проблема взаимодействия сознаний, взаимодействия идей, которое возникает вследствие того, что различные социальные группы общества перестают вести замкнутое, автономное существование и вступают в сложные исторические

отношения друг с другом.

Михаил Петрович Погодин прожил долгую жизнь. Мы рассказали здесь лишь о периоде его молодости, ибо именно к этому периоду относится все его беллетристическое творчество. Дальнейшая жизнь Погодина, его деятельность на кафедре Московского университета, в редакции журнала «Москвитянин», его участие в русской общественной жизни 1840–1870-х годов составляют предмет особой истории. В эти более поздние годы, когда в его характере все сильнее проявлялись консервативные тенденции, вызывавшие резкое противодействие у новых поколений русских культурных деятелей, ни повестей, ни драм он уже не писал. В истории русской литературы Погодин остался как автор ранних произведений, ставших для него средством осмысления и собственной личности, и тех сфер социального быта, из которых он вышел и в которые оказался вовлечен.

Проблематика его повестей оказалась в высшей степени не случайной для русской культуры: на новых этапах истории она обнаружится в творчестве Гоголя, Тургенева, Островского, Лескова, Достоевского.

М. Виролайнен

notes

Примечания

1

Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. Спб., 1888, с. 279. Далее в предисловии и в примечаниях ссылки на это издание — в тексте, с указанием тома и страницы.

2

Буслаев Ф. Мои досуги. М., 1886, ч. 2, с. 252.

3

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2, М., 1974, с. 12.

4

Телескоп, 1832, № 17, с. 108.

5

Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. — Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 283.

Там же, с. 276.

7

См.: Вацуро В. Э. От бытописания к «поэзии действительности». — В кн.: Русская повесть XIX века. Л., 1973, с. 200–214.

8

О сходстве героя «Адели» с Веневитиновым см.: Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976, с. 244.

9

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 277.

10

См.: Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Гл. «На пути к новой философии истории (Пушкин и Погодин)». Воронеж, 1980.

11

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 15.

12

О народной драме и драме «Марфа Посадница» — Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1949, с. 181. Мнение Пушкина о трагедии высказано также в его письме к Погодину, написанном в конце ноября 1830 г. из Болдина. Устные отзывы Пушкина зафиксированы в дневниках Погодина (см. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. с. 20–21). Об отношении Пушкина к «Марфе Посаднице» см.: Вацуро В. Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов. В кн.: История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л., 1982, с. 332–337.

13

Сын отечества. 1832, № 20, с. 347.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 11, с. 418.

15

Любопытно, что, хотя погодинская трактовка новгородской темы не имела прямой связи с декабристской традицией, цензура должна была исключить из текста его трагедии упоминаемые там имена некоторых новгородцев (Муравьевых, Назимовых), вызывавшие ассоциации с событиями 14 декабря.